

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ЭКСПЕРТИЗА

2 / 2016

В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ

- 7 **Т.А. БОБРОВНИКОВА** *Тайна гроба Нумы: царь-пифагореец в исторической памяти римлян*
- 28 **Г.В. КАСЬЯНОВ** *Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в.*
- 56 **А.А. ИВАНОВ** *Консервативная критика лозунга «россия для русских» (конец XIX – начало XX в.)*

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГУМАНИТАРНОЙ НАУКИ**

- 71 **С.Н. ЗЕНКИН** *Профессиональная солидарность и что ей мешает*
- 75 *А.И. Иванчик: «Бюрократический пресс на науку очень сильно выфос»*
- 88 *П.М. Кудюкин: «Если люди не будут бороться за свои трудовые права, то они потеряют и права общедемократические»*
- 99 **В.С. МИРЗЕХАНОВ** *Институциональные метаморфозы в российских университетах, или Почему так важны академические свободы?*
- 106 *П.Ю. Уваров: «Важно, чтобы заработали репутационные механизмы, чтобы сформировалась научная среда, непримиримая к плагиату и к халтуре»*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ**Мир**

- 113 **Т.А. НЕКРАСОВА** *Ранняя история ХДС: альтернативы К. Аденауэру. Рец.: Петелин Б.В. Ранняя история Христианско-демократического союза: Конрад Аденауэр – Якоб Кайзер – Отто Нухке. 1945–1952 гг. Череповец: ЧГУ, 2014. 207 с.*
- 117 **А.В. ЗОЛОВ** *Рец.: [Розенберг А.] Политический дневник Альфреда Розенберга, 1934–1944 гг. М.: Фонд «Историческая память», Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2015*

- 123 **И.П. ПОТЕХИНА** *Судьба престолов, или Трудный путь Шотландии в российскую медиевистику. Рец.: Фёдоров С.Е., Паламарчук А.А. Средневековая Шотландия. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. 352 с., 7 карт*

Россия

- 130 **Н.П. КОПАНЕВА** *Рец.: Мезин С.А. Петр I во Франции. СПб.: Европейский Дом, 2015. 310 с.: ил.*
- 137 **С.М. РЯЗАНОВ** *Рец.: Ялтаев Д.А. Правоохранительная деятельность полиции в чувашских уездах Казанской губернии в 1862–1917 годах: Монография. Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2012. 156 с.*
- 141 **О.В. КУЗНЕЦОВ** *«Россия, которую мы потеряли». Рец.: Правая Россия. Жизнеописания русских монархистов начала XX века / Сост.: А.А. Иванов, А.Д. Степанов. СПб.: Царское Дело, Русская народная линия, 2015. 736 с., ил.*
- 152 **А.А. ТЕСЛЯ** *Политическая рутинизация думской монархии. Рец.: Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 511 с.*

СССР

- 158 **А.А. ТИХОМИРОВ** *Как работала советская «машина времени»? Рец.: Фокин А.А. «Коммунизм не за горами»: образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов: Монография. Челябинск: Энциклопедия, 2012. 196 с. ISBN 978-5-91274-167-8*
- 166 **Ю.В. ЛАТЫШ** *Рец.: Плохий С. Последняя империя. Падение Советского Союза / Пер. с англ. С. Гирик, С. Лукин, А. Саган. М.: Corpus, 2016. 624 с.*
- 174 **П.И. ТАЛЕРОВ** *Мы знаем, что значит война... Рец.: Отечество в Великой войне 1941–1945 годов. Образы и тексты / Под общ. ред. А.К. Сорокина, А.Ю. Шутова; авт.-сост. К.М. Андерсон, Э.Н. Вишнякова, Е.М. Мяжкова, С.В. Перевезенцев, А.В. Репников, А.А. Шифриянц. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 279 с.: ил. ISBN 978-5-8243-1955-2*

ПОЛЕМИКА

- 177 **П.В. КРЫЛОВ** *Исследование... Понимание... Оправдание?... Уйдет ли в прошлое проклятие Адольфа Гитлера?*

ОСТОРОЖНО: ХАЛТУРА

- 181 **С.А. ПАНАРИН, И.К. ФОМЕНКО** *Сказ о том, как адъюнкт-профессор на карте XV в. Алматы нашел*
-

КОНФЕРЕНЦИИ

- 206 **П.В. ИЛЬИН** *Международная научная конференция «Историческая память России и декабристы (1825–2015)»*
- 220 **Е.Н. СТРУКОВА,
И.Ю. НОВИЧЕНКО** *Предваряя революцию. Третьи Рязановские чтения в Государственной публичной исторической библиотеке*
-

МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

- 224 **К.А. ТАРАСОВ** *Историк в музее. Выставка «Революция в России, 1917–1922» в Государственном музее политической истории России*
-

ВРЕМЯ ИСТОРИКА

- 230 *М.Д. Афанасьев: «В 2017 г. устроим пышное новоселье в отремонтированном здании»*
- 235 *В.Ю. Афиани: «От нас во многом зависит, не только каким будет представлено прошлое, но и каким будет будущее»*
- 242 *С.М. Лукашевский: «Общественная организация, которая носит имя Сахарова, не может сосредоточиться только на прошлом»*
- 247 *Сведения об авторах*
- 249 *About the authors*

IN THE ISSUE:

HISTORICAL MEMORY

- 7 T.A. BOBROVNIKOVA *The mystery of the tomb of Numa. The Pythagorean King in the historical memory of the Romans*
- 28 G.V. KASYANOV *Historical policy and the “memorial” laws in Ukraine: the beginning of the 21st century*
- 56 A.A. IVANOV *Conservative criticism of the slogan “Russia for russians” (end of 19th – beginning of 20th century)*
-

SOCIAL PROBLEMS OF HUMANITIES

- 71 S.N. ZENKIN *Professional solidarity and what prevents it*
- 75 A.I. Ivanchik: “Bureaucratic press on science greatly increased”
- 88 P.M. Kudyukin: “If people will not fight for their labor rights, they are going to lose democratic rights”
- 99 V.S. MIRZEKHANOV *Institutional metamorphoses in Russian universities, or Why is academic freedom so important?*
- 117 P.Y. Uvarov: “It is important to start reputation mechanisms to develop an scientific environment, intolerant of plagiarism and hack work”
-

REVIEWS

The world

- 113 T.A. NEKRASOVA *Early history of the CDU: the alternative to the K. Adenauer. Rev.: Petelin B.V. Rannyyaya istoriya Hristiansko-demokraticeskogo soyuza: Konrad Adenauer – Yakob Kaizer – Otto Nushke. 1945–1952 gg. Cherepovets: ChGU, 2014. 207 p.*
- 117 A.V. ZOLOV *Rev.: [Rozenberg A.] Politicheskii dnevniki Al'freda Rozenberga, 1934–1944 gg. M.: Fond “Istoricheskaya pamyat”, Associatsiya knigoizdatelei “Russkaya kniga”, 2015.*
- 123 I.P. POTEKHINA *Destiny of thrones, or The hard way of Scotland in Russian medieval studies. Rev.: Fedorov S.E., Palamarchuk A.A. Srednevekovaya Shottlandiya. SPb.: Dmitrii Bulanin, 2014. 352 p.*

Russia

- 130 **N.P. KOPANEVA** *Rev.: Mezin S.A. Petr I vo Francii. SPb.: Evropeiskii Dom, 2015. 310 p., fig.*
- 137 **S.M. RYAZANOV** *Rev.: Yaltaev D.A. Pravoohranitel'naya deyatel'nost' policii v chuvashskikh uezdah Kazanskoi gubernii v 1862–1917 godah: Monografiya. Cheboksary: Izd-vo Chuvashskogo un-ta, 2012. 156 p.*
- 141 **O.V. KUZNETSOV** *“The Russia we lost”. Rev.: Pravaya Rossiya. Zhizneopisaniya russkikh monarhistov nachala XX veka / Comps.: A.A. Ivanov, A.D. Stepanov. SPb.: Tsarskoe Delo, Russkaya narodnaya liniya, 2015. 736 p., fig.*
- 152 **A.A. TESLYA** *Political routine of the Duma monarchy. Rev.: Solov'ev K.A. Zakonodatel'naya i ispolnitel'naya vlast' v Rossii: mehanizmy vzaimodeistviya (1906–1914). M.: Rossiiskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2011. 511 p.*

USSR

- 158 **A.A. TIKHOMIROV** *How did the Soviet “time-machine” work? Rev.: Fokin A.A. “Kommunizm ne za gorami”: obrazy budushogo u vlasti i naseleniya SSSR na rubezhe 1950–1960-h godov: Monografiya. Chelyabinsk: Entsiklopediya, 2012. 196 p.*
- 166 **YU.V. LATYSH** *Rev.: Plohiu S. Poslednyaya imperiya. Padenie Sovetskogo Soyuza / Transl. S. Girik, S. Lunin, A. Sagan. M.: Corpus, 2016. 624 p.*
- 174 **P.I. THALEROV** *“We know what war means...” Rev.: Otechestvo v Velikoi voine 1941–1945 godov. Obrazy i teksty / Ed. A.K. Sorokina, A.Yu. Shutova; comps. K.M. Anderson, Z.N. Vishnyakova, E.M. Myagkova, S.V. Perevezencev, A.V. Replikov, A.A. Shirinyanc. M.: Politicheskaya enciklopediya, 2015. 279 p., fig.*

DEBATE

- 177 **P.V. KRYLOV** *Research... Understanding... Exculpation?.. Will the past curse of Adolphe Thiers vanish?*
-

ATTENTION: TRASH!

- 181 **S.A. PANARIN, I.K. FOMENKO** *The saga about how an associate Professor found Almaty on the map of the 15th century*

CONFERENCES

- 206 **P.V. ILYIN** *International scientific conference “Historical memory of Russia and the Decembrists (1825–2015)”*
- 220 **E.N. STRUKOV, Y.I. NOVICHENKO** *Anticipating a revolution. Third Ryazanovskie readings in the State public historical library*
-

MUSEOLOGY

- 224 **K.A. TARASOV** *Historian at the Museum. The exhibition “The Russian Revolution, 1917–1922” in the State Museum of political history of Russia*
-

HISTORIAN’S TIME

- 230 *M.D. Afanasiev: “In 2017 we will have a lush house-warming party in reconstructed building”*
- 235 *V.Yu Afiani: “It largely depends on us, not only how the past will be presented, but also what will become of the future”*
- 242 *S.M. Lukaszewski: “A public organization, which bears the name of Sakharov, should not focus only on the past”*
- 247 *About the authors*

Т.А. Бобровникова

ТАЙНА ГРОБА НУМЫ: ЦАРЬ-ПИФАГОРЕЕЦ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ РИМЛЯН

Ключевые слова: Нума, Пифагор, Сципион Африканский, Энний, пифагореизм, пифагорейцы, аниконизм, эллинофилы.

Статья посвящена Нуме Помпилию, второму царю Рима, преемнику Ромула. Автор считает, что существует как бы три Нумы: реальный римский царь, политику которого можно восстановить из античных письменных источников, герой фольклорных легенд, который ловил Пика и Фавна и, наконец, Нума, царь-пифагореец, ученик самого Пифагора, который, создавая римскую религию, руководствовался философией своего учителя. Этот образ и изучается в данной работе.

Автор доказывает, что ученый царь-пифагореец имеет очень мало общего с реальным Нумой. Когда же и как возник этот необычный образ? В статье доказывается, что он возник во II в. до н.э. в кружке эллинизированной римской знати, где был распространен настоящий культ Нумы. Царь считался первым эллинофилом и создателем чистой римской религии, которая впоследствии была искажена под влиянием иноземцев-этрусков. Очень вероятно, что образ Нумы использовался в качестве полемики с мизэллинами, стремившимися воспрепятствовать проникновению в Рим греческой культуры. Создателем этого образа был, вероятно, Квинт Энний, главным прототипом — Сципион Африканский, глава эллинофилов. В статье подробно исследуется сенсационное открытие гроба Нумы и находка книг, якобы написанных царем. Вывод автора — книги были подложные, написанные кем-то из последователей Энния с целью внести изменения в римскую религию.

Фигура второго царя Рима Нумы Помпилия окутана легендами. До сих пор среди ученых ведутся споры о его историчности. Я считаю, что факт его существования убедительно обоснован в современной лите-

ратуре о Риме эпохи царей (*Маяк* 1983: 8). Однако предмет моей работы другой. Я пишу не о реально существовавшем втором римском царе, а о представлениях о нем, сложившихся в Классической Республике через несколько веков после его смерти¹. Нума принадлежит к числу

© Бобровникова Т.А., 2016

В основу статьи положен переработанный текст доклада, прочитанного на XVI Сергеевских чтениях на историческом факультете МГУ в 2009 г.

¹ В последнее время популярным направлением исторических исследований стала историческая память и ее герои. В них

таких фигур, как Тесей. Еще лучше его сравнить с русским князем Владимиром Святым. Существует как бы три Владимира. Владимир – реальный киевский князь с вполне реальной политикой. Владимир – герой благочестивой агиографической легенды, великий грешник, покаявшийся и достигший святости. Наконец, герой народных былин, Владимир Красное Солнышко, при дворе которого жили богатыри, и в дом которого прилетел змей Тугарин. Точно так же дело обстоит и с Нумой. Существует Нума – реальный римский царь, политику которого можно восстановить из античных письменных источников. Существует Нума, который с помощью Эгерии ловит лесных богов Пика и Фавна. Этот Нума – предмет изучения фольклориста, и о нем существуют блестящие исследования И.И. Толстого и В.Я. Проппа, которые сравнивают эту легенду с русской сказкой о Медном Лбе (*Толстой* 1938: 441–457; 1966: 97–114; *Пропп* 1986: 157–165).

Наконец, существует третий Нума – Нума, созданный во II в. до н. э. Он далеко не всегда совпадает с историческим. Образ этот еще плохо изучен. Он важен не столько для изучения реалий VII в. до н. э., сколько

изучают, каким образом создаются представления о прошлом и что они значат для последующих эпох. Эти работы позволяют лучше понять соотношение исторического и легендарного, избежать гиперкритического отношения к древности. В исторической памяти образы прошлого неизбежно осовремениваются. Так произошло и с образом царя Нумы, которому посвящено настоящее исследование. Ср.: (*Halbwachs* 1950; см. также: *Хальбвакс* 2007; *Ассман* 2004: 35–47; Империя в зеркале исторической памяти 2011).

для понимания самого времени его создания. Реконструкции этого образа и посвящена настоящая статья.

I. ЛЕГЕНДА О ЦАРЕ-ПИФАГОРЕЙЦЕ

Каковы основные источники для нашей реконструкции? Главным является, конечно, Плутархова биография Нумы. Сохранившиеся фрагменты Варрона позволяют предполагать, что в основе своей она восходит к знаменитому антиквару (*Boyancé* – 1972: 252–282). Кроме того, как уже говорилось, сохранилось несколько фрагментов самого Варрона. Ценные сведения сообщает Дионисий Галикарнасский и римские эрудиты – Сервий и Макробий. Есть еще один очень важный источник, о котором часто забывают. Это поэмы Овидия «Фасты» и особенно «Метаморфозы». Что заставляет нас так высоко ставить Овидия как источник? В конце XIV песни «Метаморфоз» рассказывается об апофеозе Ромула, а в XV речь идет о Нуме. Говоря о Ромуле, Овидий вкладывает в уста Марса следующие слова:

Unus erit quem tu tolles in caerula caeli...

Будет один, которого ты вознесешь в небесную синь...² (*Met.* XIV, 814).

Те же строки повторены в «Фастах» (II, 487). Это точная цитата из «Анналов» Энния (*Varm.* 64–65). В рассказ Овидия и дальше, по-видимому, вкраплены некоторые цитаты

² Здесь и ниже, кроме оговоренных цитат, перевод с латинского автора статьи.

из Энния. Поэтому мы вправе предположить, что весь рассказ Овидия о Ромуле и Нуме восходит к Эннию. Это превращает поэмы Овидия в источник первостепенной важности. Действительно, Овидий дает самую архаическую версию жизни Нумы. Теперь присмотримся к образу второго римского царя, созданному этими авторами.

Нума рисуется как эллински образованный человек. Очень интересным представляется вопрос, где он учился. Согласно античной традиции, донесенной Плутархом, Ромул и Рем учились в Габиях (Rom. 6). Габии действительно были одним из центров греческой культуры в Италии (Peruzzi 1998: 19–22), так что исторический Нума также мог бы там учиться. Однако Нума II в. до н.э. не связан с Габиями. По словам Дионисия Галикарнасского, его предшественники утверждали, что он учился в Кротоне у Пифагора (II, 59). Сам Дионисий этому не верит, поэтому, к сожалению, только вскользь упоминает эту недостоверную с его точки зрения версию. Самую полную традицию мы находим у Овидия. По его словам, Нума страстно стремился к знаниям. «Он считал недостаточным изучать обычаи родного сабинского племени: жадной душой он стремился к большему и хотел познать устройство природы» (Met. XV, 4–6). И Нума отправляется в Кротон, где долго слушает лекции Пифагора (Ibid. XV, 4–478).

Вернувшись, он был избран царем и стал создавать римскую религию согласно пифагорейскому учению (Met. XV, 479–481; ср. Fast. III, 153).

С этим последним полностью согласен Плутарх. Он говорит, что догмы римской религии, введенные Нумой, «родные братья Пифагоровых догм» (Num. 8; пер. С.П. Маркиша). Даже мелкие предписания римской религии восходят к Пифагору (Ibid. 14). Эту первоначальную римскую религию мы будем в дальнейшем именовать «религией Нумы». Каковы же основные положения этой религии?

Во-первых, Нума полностью запретил кровавые жертвы (Plut. Num. 8; Ovid. Met.³).

Во-вторых, он считал, что бог не имеет облика ни человека, ни животного, он невидим, не сотворен и может быть постигнут только разумом (Num. 8). Отсюда следует два вывода. Прежде всего, бога можно постичь только из изучения мира. Как мы видели, Нума, согласно Овидию, хотел знать «*quae sit rerum natura* (лат. какова природа вещей)». Это, по-видимому, цитата из Энния (ср.: Lucr. I, 125–126). Согласно Овидию, Нума по внушению Пифагора и Эгерии погрузился в из-

³ Овидий не описывает самих предписаний Нумы, но в лекциях Пифагора, которые поэт излагает очень подробно, огромное место уделено запрету кровавых жертв (Met. XV, 75–128; и особенно 128–137; 456–478). Кровавые жертвы и мясная пища сравниваются с Фиестовым пиром (462). Это первое и последнее предписание Пифагора у Овидия. Непосредственно после увещаний Пифагора читаем: «*Talibus... instructo pectore dictis / In patriam remeasse ferunt utroque petium / Accepisse Numam populi Latialis habenas* (лат. Запечатлев в сердце эти заветы, Нума, как передают, вернулся на родину и по всеобщей просьбе принял бразды правления над народом Латинума)» (Met. XV, 479–481). Из контекста следует, что ученик воплотил в жизнь заветы своего наставника.

учение звезд и календаря (Fast. III, 151–154). О занятиях Нумы астрономией говорит и Плутарх (Num. 18). Он даже сообщает, что в центре Рима на Форуме царь воздвиг круглый храм Весты со священным огнем в середине. Этот храм был моделью круглой пифагорейской вселенной с горящим в центре огнем Гестией (Num. 11). Следующий вывод из положения о недоступном человеческим чувствам боге – это запрет на изображения божества. «Царь запретил римлянам чтить бога в образе человека или животного, и в древности у них не было ни написанных, ни изваянных подобий божества. На протяжении первых 170 лет, строя храмы и воздвигая священные здания, они не создавали вещественных изображений, считая... невозможным постичь бога иначе, чем помышлением» (Num. 8). Это знаменитый римский аниконизм. Сообщение Плутарха восходит к Варрону, который связывал появление изображений с Тарквинием Приском. При нем этрусский скульптор Вулька изваял статуи на фронте храма Юпитера Капитолийского. «Dicit (Varro) etiam antiquos Romanos plus annos centum et septuaginta deos sine simulacro coluisse. Quod si adhuc, inquit, mansisset, castius dii obseruarentur (лат. (Варрон) также говорит, что древние римляне более ста семидесяти лет поклонялись богам без изображений. Если бы это сохранилось до сих пор, культ богов был бы чище)» (Aug. C.D. IV, 31).

В-третьих, в «религии Нумы» считалось возможным обожествление людей. Согласно Плутарху и Дионисию, именно второй римский

царь обожествил Ромула под именем Квирина и назначил ему жреца (Num. 8; Dionys. II, 63, 3).

Четвертая черта «религии Нумы», притом черта совершенно уникальная – это религиозный мистицизм. Нума – самый благочестивый царь, но его благочестие не традиционно римское. Перед всеми важными предприятиями он испрашивал волю богов. Но очень необычным образом: он имел непосредственное вдохновение от Эгерии. Эгерия, разумеется, вовсе не была придумана во II в. до н. э. Образ ее взят из мифа. Фрезер считает ее ипостасью Дианы Немейской и в мифе видит отражение ритуального брака царя Рима с богиней леса (Фрезер 1931: I, 7–18). Но для нас сейчас важно, как трактовался этот миф в описываемую эпоху. Царь совершенно один шел ночью в священную рощу и там проводил некоторое время, словно совещаясь с богиней. Ничего подобного не рассказывают даже о Ромуле, сыне бога. «В государственном устройстве Нумы важное место занимает тесное общение с божеством», – подчеркивает Плутарх (Num. 8).

Образ, который мы исследуем, очень далек от исторического царя VII в. до н.э.

Во-первых, Нума не мог быть учеником Пифагора. Философ приехал в Италию ок. 530 г. до н. э., т. е. через полтора века после Нумы.

Во-вторых, Нума не мог учиться в Кротоне. Это заметил уже Дионисий: «Когда Нума был поставлен царем, не существовало еще города Кротона» (II, 59, 3).

Но откуда в таком случае могла возникнуть подобная легенда? Первое само собой напрашивающееся предположение, что заповеди Пифагора и Нумы настолько схожи, что естественно возникло мнение о заимствовании. Именно это положение доказывается в очень интересной статье Л.Л. Кофанова (*Кофанов* 1999). Замечательно, что создателем этой теории был сам Варрон, к которому, как мы уже говорили, и восходит пассаж Плутарха. Варрон, серьезно занимавшийся вопросами хронологии, конечно, не мог считать римского царя учеником самосского мудреца. Поэтому он объявил его пифагорейцем до Пифагора.

Рассмотрим предполагаемые черты сходства религии Нумы и пифагореизма.

Во-первых, отсутствие у римлян антропоморфизма. Это утверждение Варрона оказало огромное влияние на европейскую науку. Г. Буассье пишет: «Если бы Рим не приобрел знакомства с Грецией, то в нем едва ли мог развиваться антропоморфизм» (*Буассье* 1914: 17–18). Римляне, по его мнению, чтили не богов, а некую безликую субстанцию. Х. Вагенфорт сравнивает эту субстанцию с маной полинезийцев (*Wagenvoort* 1947). С другой стороны, Боянсе очень аргументированно возражал против этой концепции. В настоящей статье мы не будем исследовать этот спорный вопрос. Для нас сейчас важно подчеркнуть, что точка зрения Варрона далеко не единственная в римской истории и традиции. Овидий описывает статую Юпитера, установленную Ромулом: бог держал в правой руке

молнию (*Fast.* I, 201). Проперций говорит о бронзовой статуе Вертумена, работы знаменитого Мамурия, мастера времен самого Нумы (IV, 2, 60 sq.). Особенно весомо для нас мнение Плиния Старшего. Ученый энциклопедист, конечно, прекрасно знал утверждение Варрона, авторитет которого был очень велик в Античности. Тем не менее, изучив всю совокупность источников, для нас безвозвратно потерянных, он решительно заявляет: «Fuisse autem statuariam artem familiarem Italiae quoque et vetustam (лат. Искусство ваяния также издревле хорошо знакомо Италии)» и в качестве доказательства приводит статую Геркулеса времен Энея и статую двуликого Януса, сооруженного самим Нумой (XXXIV, 33). Наконец, Сцевола, римский юрист II в. до н. э., т. е. современник создания легенды о Нуме, видит в аниконизме вовсе не исконное установление предков, а вредное новшество, насаждаемое философами (*Aug. C.D.* VI, 5).

Напомню также, что подобный взгляд — а именно что римляне не представляли в те времена богов ни в антропоморфном, ни в зооморфном облике — противоречит всей народной легенде о Нуме. Царь, согласно мифу, был в браке с богиней Эгерией, которая, таким образом, рисовалась в человеческом облике. Тот же Нума, подмешав вино в воду источника, поймал лесных богов Пика и Фавна. Подобно греческому Пану, Фавн был полуживотным, а Пик, очевидно, полуптицей.

Таким образом, мнение Варрона стоит особняком в античной традиции. Еще более сомнительно, чтобы

римляне, единственные среди древних народов, не знали кровавых жертв. Наконец, совсем невероятно, чтобы римляне VII в. до н. э. были столь сведущи в науке о небе и всерьез изучали астрономию.

Варрон — крупнейший римский ученый-антиквар. К его авторитету мы всегда относимся с огромным уважением. Чем же объяснить его странные утверждения? Дело в том, что в данном случае он вовсе не беспристрастный исследователь прошлого. Варрон сам был пифагорейцем и даже завещал похоронить себя по пифагорейскому обряду (Plin. N.H. XXXV, 160). Для него появление антропоморфных изображений божества было страшным падением («Quod si adhuc, inquit, mansisset, castius dii obseruarentur (лат. Если бы это сохранилось до сих пор, культ богов был бы чище)»). Иными словами, он сам был последователь «религии Нумы», более того, он активно ее пропагандировал.

Труды Варрона и его единомышленников не пропали даром. Именно их образ великого законодателя прочно укоренился в сознании римлян. Все доводы историков и антикваров оказались бессильны. Цицерон говорит, что это «всеобщее мнение» (De re publ. II, 28–29). Сам он привел веские доказательства, чтобы сокрушить многолетнее заблуждение. Однако в следующем веке Дионисий (II, 59) и Ливий (I, 18, 1–4) вынуждены были вновь вернуться к этому вопросу и спорить с последователями теории о пифагореизме Нумы. Но все их усилия оказались тщетны. В Греции Плу-

тарх, а в Риме Овидий снова возвращаются к прежней версии.

Но если созданная Нумой религия отнюдь не была копией пифагорейской, откуда в таком случае возникла легенда о пифагореизме Нумы? У Цицерона находим удивительное утверждение. Ни в одних официальных анналах об этом нет ни слова (De re publ. II, 28). Но тогда в каких кругах, когда и почему возник подобный образ Нумы?

Мы знаем, что после Ганнибаловой войны среди эллинизированной римской аристократии огромную популярность имела пифагорейская философия (Штаерман 1987: 116–117; Delatte 1936: 11–40; Bouané — 1972: 228–251; Бобровникова 1997: 40–54; 2009: 198–213). Она играла в Риме ту же роль, что и стоицизм в более позднее время. Естественно предположить, что именно тогда религию Нумы сблизили с модным философским учением, а самого царя объявили учеником великого философа. Мне представляется, что можно точно указать terminus ante quem. Это III Македонская война (171–168 гг. до н. э.). После нее эллинофилы группировались в кружке Сципиона Младшего. Все члены этого кружка были учениками Полибия. А Полибий точно указал дату основания Рима — 750 г. до н.э. (I, 6, 2). Никто из друзей Сципиона не мог уже больше считать Нуму учеником Пифагора. Так что Цицерон недалек от истины, когда заставляет именно Сципиона Младшего, любимого ученика Полибия, опровергать версию о пифагореизме Нумы. Интересно, что другие участники диалога не сомневаются,

что римский царь был учеником самосского философа, потому что, по их словам, слышали эту версию *от старших*. То есть легенда, по-видимому, возникла в поколении их отцов. Полибий уже знал этот образ Нумы и им оперировал (*Бобровникова* 2008: 72–93).

Тут возникает важный вопрос. Распространению стоицизма среди римских эллинофилов положил начало Панетий, учитель Сципиона Младшего и его друзей. Не было ли подобного же учителя-пифагорейца в поколении их отцов? И тут внимание наше привлекает фигура первого римского поэта Квинта Энния. Я посвятила Эннию специальную статью (*Бобровникова* 1997) и сейчас не буду повторять всю систему своих аргументов, а лишь кратко остановлюсь на основных выводах. Энний происходил из Южной Италии, возможно, был наполовину грек. Во всяком случае, он получил греческое воспитание, и в его груди, по его словам, билось три сердца – осское, греческое и римское (*Gell. XVII, 17*). В южноиталийских греческих городах пифагореизм стал как бы второй религией. В захоронениях там постоянно находят золотые пифагорейские таблички с указаниями душе, как вести себя в подземном мире, своеобразный аналог египетской «Книги мертвых». Датируются они как раз IV–III вв. до н. э. (*Waerden* 1979: 117). Таким образом, учение Пифагора было для поэта религией детства.

Далее. Энний представлял себе бога не антропоморфным, а в виде некоего духа, проходящего через природу вещей (*Cic. Nat. deor. II, 4*;

Enn. Epich. Warm. 10–14). Римские поэты говорят, что он был увлечен пифагорейской мистикой (*Hor. Ep. II, 1, 50*; ср.: *Pers. IV, 10*). Он придерживался учения о метемпсихозе и даже вспомнил свои прошлые рождения (*Enn. Ann. Warm. 13, 14*; *Pers. VI, 10*; *Tertull. De An. 33*; *Lucr. I, 121–126*; *I, 112–117*). Замечу, что метемпсихозу уделено большое место и в XV песне «Метаморфоз» Овидия, которая, по нашему предположению, отчасти восходит к Эннию.

Вслед за пифагорейцами поэт считал некоторых людей, души которых прошли круг перерождений, божественными. Геркулес, Ромул и Сципион Старший, по его словам, после смерти стали богами (*Lact. Inst. div. I, 18*; *Ann. Warm. 114*; *fr. 63–64*; *Serv. Aen. VI, 777*; ср. *Aug. C.D. 22, 4*).

Видимо, Энний активно проповедовал пифагореизм среди римлян. Он перевел Эпихарма. Эпихарм был учеником Пифагора (*Diog. VIII, 78*). «Он переложил стихами мысли пифагорейских мужей и, скрывая учение Пифагора под видом шутки, таким образом распространял их» (*Jambl. Vit. Pyth. 226*). Такое сочинение прекрасно подходило для целей Энния. Поэт, очевидно, был центром какого-то кружка римских эллинофилов. Этим можно объяснить его огромную популярность. По единодушному свидетельству авторов всей Античности, он не только был близким другом Сципиона Старшего, но даже удостоился неслыханной чести: был похоронен в фамильном склепе Сципионов (*Cic. Arch. 22*; *Plin. N.H., VII, 114*; *Val. Max. VIII, 14, 1*, *Liv. XXXVIII,*

56; Ovid. Ars. Am. III, 409). Другой знатный римлянин, Квинт Фульвий Нобилиор, был таким страстным поклонником поэта, что, отправляясь в поход под Амбракию, взял его с собой, надеясь, что Энний воспевает его подвиги и сделает его имя бессмертным (Cic. Tusc. I, 2; Arch. 27; Symmach. Epist. I, 20, 2). Сын Нобилиора выхлопотал поэту права гражданства (Cic. Brut. 79).

Остановимся чуть подробнее на фигуре Фульвия Нобилиора, который, очевидно, испытал сильное влияние Энния. Это отчасти прольет свет на взгляды самого поэта. Фульвий был эллинофилом (Haywood 1933: 66–67), украшал Рим греческими статуями, а сыну дал систематическое греческое образование (Cic. Brut. 79). Боянсе и Делатт считают Нобилиора пифагорейцем (Boyan-*cé* — 1972: 241 и след.; Delatte 1922: 39–40). Но особенно интересен следующий факт. После похода, в котором он участвовал вместе с Эннием, Фульвий основал храм со странным названием — *Hercules Musarum* (лат. Геркулес Муз). Интерьер этого храма нам помогают представить два источника: денарий, выпущенный Квинтом Помпонием Музой, и описание Плиния Старшего. На денарии изображен Геркулес, играющий на лире. И подпись: *Hercules Musarum* (Crawford 1974: no. 410). Плиний же говорит, что в храме находились изображения девяти муз, вывезенные Фульвием из Амбракии (N.H. XXXV, 66). Очевидно, они окружали играющего на лире Геркулеса.

Образ Геркулеса Мусарета уникален для античности, он изумлял уже древних авторов (Serv. Aen. I, 8; Eu-

menius. Pro insaurandis scholis. Paneg. IX, 7). Цицерон связывал храм с Эннием (Arch. 27; ср. Eumenius. *ibid.*). Действительно, само слово *музы* в латинский язык внесено Эннием (Bignon 1946: I, 319–920). Его предшественники Ливий Андроник и Невий употребляли только слово Камены. Естественно, не было и никакого культа этих богинь. В названии храма Боянсе и Делатт видят глубокий пифагорейский смысл. Однако, возможно, более близок к истине Цицерон, который считает символичным, что друг Энния посвятил музам добычу Марса — тем самым он показал, что в Риме императоры еще с оружием в руках посвящают святилища музам (Arch. 27). Таким образом, согласно Цицерону, Геркулес, похоже, олицетворял сам победоносный Рим, который окружил себя эллинскими богинями искусства⁴.

Однако связь с музами имеет, на мой взгляд, и другой источник. Эгерия была нимфой реки, естественно, ее называли одной из Камен, которые первоначально мыслились как божества воды (Scullard 1981: 175). Но, как уже говорилось, римские поэты времен Пунических войн отожде-

⁴ Можно усмотреть противоречие в том, что в храме, создатели которого увлекались пифагорейством, стояли изображения богов. Однако, во-первых, Эннию принадлежит лишь идея, а в жизнь ее воплотил Фульвий, человек вовсе не столь просвещенный и недостаточно глубоко понимавший доктрину самосского мудреца. Во-вторых, в храме были статуи не богов в полном смысле слова. Геракл некогда был человеком и лишь после смерти взшел на небо, значит, его человеческий облик можно было изобразить. Музы же — демоны, свящее звено между людьми и богами, как явствует из Платоновского «Иона», диалога, имеющего яркую пифагорейскую окраску.

ствили камен с музами. Поэтому со II в. до н. э. музы стали мыслиться как покровительницы Нумы. Плутарх приписывает вдохновение Нумы музам (Num. 8, Camil. 20). У Овидия: «conjuge qui felix nympha ducibus camenis (лат. счастливый браком с нимфой, руководимый каменами (т. е. музами. — Т.Б.))» (Met. XV, 482). По словам Дионисия, некоторые называют Эгериию одной из муз (II, 60, 5). От Сервия мы узнаем интереснейший для нас факт. Он пишет, что Фульвий перенес в свой храм маленький алтарь Камен, воздвигнутый самим Нумой, и что имя свое храм получил именно от этого алтаря (Aen. I, 8).

Таким образом, храм, олицетворяющий поклонение эллинским искусствам, был наречен в честь Нумы. Но с этим храмом связано еще одно загадочное обстоятельство. Макробий пишет, что Фульвий поместил (лат. posuit) в храм Геркулеса Муз фасты (I, 12, 16). Ученые спорят, что представляли собой эти фасты: просто календарь или какую-то книгу о римском календаре⁵. Но, вероятно, это всё же была книга, так как от Цензорина мы узнаем, что создание 12-месячного римского года Фульвий приписывает не Тарквинию Приску, как обычно делали, а Нуме (De die natali, 20, 4). Делатт связывает

⁵ Делатт, Боянсе и Фрезер считают, что это книга, помещенная в храм как приношение богу (Delatt 1936: 11–40; Boyancé — 1972: 228–251; Ovidii 1929: IV, 346). Де Санктис считал, что это надпись (De Sanctis 1953: IV, 258, 275). Скаллард называет фасты календарем, помещавшимся на стене храма (Scullard 1981: 47). Но в другом месте он допускает, что это могла быть какая-то работа по календарю (Scullard 1981: 157).

с этой книгой одну очень интересную цитату из Лида (De ostentis, 16). «Οὐδὲ τὸ περὶ τῶν ἀστέρων θεωρίαν διασχολεῖν⁶ ἔξω θεοσεβείας ποιεῖ ἀλλ' ἔτι μᾶλλον τὴν πάνσοφον ἔστι διὰ τῶν ἔργων αὐτῶν θεωρῆσαι πρόνοιαν τοῦ πάντων ἀρρήτου πατρός καὶ θαυμάσαι τὴν ψυχὴν ἀνθρώπου δύνασθαι ἡγουμένου θεοῦ, καὶ περὶ τῶν οὐρανίων, ὡς δυνατόν, διαλέγεσθαι. Ταῦτα μὲν οὖν Φούλβιός φησιν, ἐκ τῶν τοῦ Νουμᾶ ἱστορήσας. Ἦψατο δὲ καὶ τῆς περὶ τὸν οὐρανὸν πραγματείας οὔτε ἀκριβῶς οὔτε παντάλασι ἀθεωρήτως (др.-греч. Наблюдение за звездами отнюдь не представляет собой науку, чуждую почитанию божественного. Но еще легче, кажется, открыть в самих созданиях премудрый промысел несказанного Отца всего сущего и восхититься тем, что, ведома богом, человеческая душа способна размышлять, насколько это возможно, о небесном. Именно так говорит Фульвий, обнаруживший это в сочинениях Нумы)». Цитата имеет яркую пифагорейскую окраску. Делатт и Боянсе решительно приписывают ее самому Нобилиору. Я считаю более вероятным, что автор цитаты и самой книги о календаре — не сам покоритель Амбракии, а его сын, который, как мы упоминали, получил греческое образование⁷.

⁶ Или: ἀπασχολοῦν.

⁷ Варрон упоминает этимологию латинских месяцев, данную неким Фульвием (L.L. VI, 33). Р.Г. Кент в своем издании Варрона отождествляет этого Фульвия с Сервием Фульвием Флакком, консулом 135 г. до н. э., которого Цицерон называет «сведущим в праве, литературе и древней истории» (Brut. 81; Varro. 1993: 204. § 33. Fn. B). Однако французские исследователи объединяют обоих Фульвиев — того, который поместил фасты в храм Геркулеса Муз, и автора научной работы,

Итак, согласно Фульвию и его единомышленникам, Нума, во-первых, был философ-пифагореец. Во-вторых, он представлял бога как отца несказанного, очевидно, не имеющего человеческого облика. В-третьих, постичь бога можно, изучая астрономию. В-четвертых, Нума — первый эллинофил, воздающий почести греческим музам. Наконец — и для нас это особенно важно! — у царя существовало какое-то учение, причем, очевидно, где-то записанное. Перед нами тот самый образ Нумы, который мы исследуем, уже в совершенно законченном виде.

II. ЦАРЬ НУМА И СЦИПИОН СТАРШИЙ

Древнейшие мифы не имеют создателя: они народного происхождения. Но легенда о царе-пифагорейце возникла в историческое время, в образованных кругах, и, безусловно, имела автора. Что мы можем сказать об этом человеке? Он был эллински образован, знал греческую философию, сам исповедовал пифагореизм, стремился к синтезу римской *virtus* (лат. добродетель) с эллинским знанием, наконец, об-

на которую ссылаются Варрон и Цензорин, считая их одним лицом, а именно Нобилиором, покорителем Амбракии. Но античность не сохранила памяти о Нобилиоре как об ученом человеке. Цицерон перечисляет всех образованных людей того поколения, но Фульвия Нобилиора среди них нет (Senest. 49–50). С другой стороны, неразумно, на мой взгляд, разделять обоих Фульвиев, тем более что нигде не говорится, что Флакк был автором работы о календаре, а о Нобилиоре это известно. Поэтому я предполагаю, что ученый сын покорителя Амбракии, выхлопотавший гражданство Эннию, поместил работу о фастах в храм отца.

ладал определенными литературными способностями, что и обеспечило созданному им образу столь долгую жизнь. В тогдашнем Риме я вижу только одну подходящую кандидатуру. Это сам поэт Квинт Энний. Нума описан был в его «Анналах». Кроме того, не исключено, что он посвятил царю-пифагорейцу специальную поэму. Ей-то отчасти следовал Овидий в 15-й песне «Метаморфоз».

Давно замечено, что герои и героини седой древности выглядят в изображении Овидия его современниками. Аполлон, преследующий Дафну, похож на модного франта, а Лукреция — на жеманную красавицу эпохи самого поэта (*Покровский* 1942: 271–279). Историческое мышление развилось поздно. Точно так же Нума в изображении Энния приобрел облик современного поэту аристократа-эллинофила. Подобно этим аристократам, он поехал учиться в Южную Италию. Вернувшись из Великой Греции, Нума, однако, не сделался философом, не открыл школу, а был выбран царем, как аристократы-эллинофилы — магистратами, и стал проводить законы в духе своей философии. Для нашей темы очень интересной представляется легенда о занятиях Нумы астрономией. Мы уже говорили, что это плохо вяжется с реалиями VII в. до н. э. Зато астрономия как раз вошла в особую моду среди современников Энния. Вспомним увлечение юных членов кружка Сципиона Младшего астрономией. Они изучали ее под руководством Сульпиция Галла по сфере Архимеда, привезенной в Рим Марцеллом в 212 г. до н. э., в самый раз-

гар Ганнибаловой войны (Cic. De re publ. I, 21–22). Их учитель, Сульпиций Галл, консул 166 г. до н. э., друг Эмилия Павла, человек очень знатный, по словам Цицерона, всецело был погружен в изучение неба и проводил бессонные ночи, наблюдая за звездами (Cic. De senect. 49; De re publ. I, 23; Liv. XLIV, 37, 8–9). Из слов Плиния как будто следует, что он был пифагорейцем [II, 83]. В одном месте сам Энний слегка посмеивается над этим всеобщим увлечением. В его трагедии «Ифигения» Ахилл говорит: «Наблюдают в небе астрологические созвездия, смотрят, когда взойдет Коза, Скорпион или какой-нибудь другой зверь. Но никто не замечает того, что у ног – все обшаривают небесные страны» (Cic. De re publ. I, 30). «Ифигения» Энния является переделкой «Ифигении в Авлиде» Еврипида. Но приведенных строк у Еврипида нет. От Цицерона же мы узнаем, что современники видели в этих стихах описание не ахейских, а римских нравов. Юрист С. Элий Пет прямо относил их к Сульпицию Галлу (ibid.).

Итак, царь Нума – обобщающий образ знатного эллинофила. Однако есть одна черта, резко отличающая его от обычных римских аристократов. Это непосредственное мистическое общение с божеством. Все ученые согласны, что такого рода мистические контакты совершенно чужды римской религии. Даже Дж. Шайд, который пытается ниспровергнуть все стереотипы римской религии, воздвигнутые еще Моммзеном, оставляет неколебимым этот краеугольный камень (Шайд 2006: 21–31). Таким образом, мистицизм

Нумы стоит особняком в античной традиции и представляет собой загадку.

Между тем во время создания легенды о Нуме в Риме жил человек, аристократ, эллинофил, близкий друг Энния, которому приписывали подобный контакт с божеством. Это глава эллинофилов Сципион Старший. Вокруг него сложилась легенда, очень напоминавшая легенду о Нуме. Так называемая «Сципионова легенда» – это сложный комплекс религиозных представлений. Он включает в себя несколько компонентов: 1) чудесное рождение героя; 2) боговдохновенность и постоянное общение с богами; 3) апофеоз после смерти. Однако все эти части возникли не одновременно. Идея апофеоза появилась уже после смерти героя, во многом как раз благодаря деятельности Энния (Бобровникова 1997). Анализ источников показывает, что нет ни одного прижизненного свидетельства веры в божественное происхождение Сципиона (Бобровникова 2008). Таким образом, божественность Публия Африканского в глазах современников заключалась именно в мистических вдохновениях.

Я неоднократно подчеркивала, что «Сципионова легенда» – уникальное явление для Классической Республики. Традиция обожествления складывается в Риме только начиная с Цезаря и Августа. Но легенды о них представляли собой искусственно создававшийся официоз, сложившийся по образцу, выработанному на эллинистическом Востоке. Но сейчас необходимо подчеркнуть другое. «Сципионова

легенда» уникальна не только для Классической Республики. Она уникальна и по сравнению с легендами о Цезаре и Августе. Ни Цезарь, ни Август, ни Александр Македонский, которому будто бы подражал Сципион, не имели мистических озарений. Между тем именно эти озарения составляют первичное древнее ядро легенды.

Каким путем проходили эти божественные озарения? Перед каждым важным событием Сципион один ночью шел в храм Юпитера и оставался там, словно получая совет от божества (Liv. XXVI. 19; Val. Max. I, 2, 2; De vir. ill. 49. 3; Dio Cass. 16, 57, 39; App. Iber. 89; Gell. VII, 1). Кроме того, по словам Аппиана, Сципиона всю жизнь сопровождал даймон, некий божественный голос (Lib. 25; 491; Iber. 101–103). Даймон не помогал ему в битвах, но являлся источником вдохновения и предсказывал будущее. Описания этих откровений Сципиона, оставленные Аппианом, поражают своей яркостью и кажутся взятыми из рассказов очевидцев. Сам историк ссылается на слова стариков, ветеранов Сципиона. У Аммиана Марцелина читаем, что даймоны являются посредниками между людьми и богами, но слышать их могли всего несколько человек, среди римлян только Нума и Сципион. Аммиан Марцелин называет свой источник – это «теологи» (XXI, 14, 3–5), т. е. очевидно Варрон и его школа (Бобровникова 2008: 84).

Рассказ Ливия о посещениях Нумой священной рощи, где он получал советы от Эгерии, почти слово в слово совпадает с рассказом о по-

сещениях храма Юпитера Сципионом: Нума «решил вселить в них (римлян. – Т.Б.) страх перед богами – действеннейшее средство для непросвещенной... толпы... Была роща... Туда очень часто приходил без свидетелей Нума, будто бы для свиданья с богиней» (I, 19, 4–5; 21, 3; пер. В.М. Смирин); Сципион «убеждал толпу, что действует, повинувшись сновидениям и ниспосланным с неба знаменьям... Не проходило дня, чтобы он не пошел на Капитолий и не посидел в храме в одиночестве и безмолвии» (XXVI, 19, 4–5; пер. М.Е. Сергеев).

Напомню, что роща с гротом, куда ходил Нума, была святилищем, храмом под открытым небом. Мы знаем, что Сципион ходил в храм всегда ночью. Но и Нума, согласно Ливию, шел в рощу только ночью (I, 19, 5)⁸. Далее. Полибий, стремясь дать рациональное толкование «Сципионовой легенде», сравнивает Публия Африканского с Ликургом, мудрым законодателем-обманщиком, который выдавал свои планы за откровение Аполлона (X, 2, 11). Дионисий же Галикарнасский пишет, что те, кто «очищают историю от всяческих вымыслов», считают, что и Нума поступал, как Ликург, выдумывая свои видения, «чтобы люди, питающие страх перед богами, охотно приняли установленные им законы, словно ниспосланные богами» (II, 61; пер. И.Л. Маяк).

⁸ Насколько такие представления не соответствуют духу традиционной римской религии, можно видеть из следующего факта. Хейвуд пытался опровергнуть всю античную традицию о посещениях Сципионом храма Юпитера именно на том основании, что она не соответствует духу римской религии (Haywood 1933: 24).